

Covenant & Conversation

Jonathan Sacks
THE RABBI SACKS LEGACY

БЕСЕДЫ О НЕДЕЛЬНЫХ ГЛАВАХ ТОРЫ

НА ОСНОВЕ НАСТАВЛЕНИЙ И СТАТЕЙ

РАББИ ЛОРДА ДЖОНАТАНА САКСА, ДА БУДЕТ БЛАГОСЛОВЕННА ПАМЯТЬ О ПРАВЕДНИКЕ

Благодарим семью Шimmel за щедрую спонсорскую поддержку цикла Covenant & Conversation, посвященного памяти Гарри (Хаима) Шimmel. "Я влюбился в Тору рабби Хаима Шimmel, едва она впервые попала мне в руки. Ее цель - поведать не только о той истине, которая лежит на поверхности, но и о ее взаимосвязи с более глубокой, заветной истиной. Он и его замечательная жена Анна, прожившие вместе 60 лет, вместе построили жизнь, которая была посвящена любви - любви к семье, к общине и к Торе Эта необыкновенная супружеская пара неизмеримо растрогала меня, подавая пример того, как нужно жить." - Рабби Сакс

БЕАР — БЕХУКОТАЙ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО СВЕТЛАНЫ СИЛАКОВОЙ

Хронологическое воображение

Рассмотрим одну из самых своеобразных и труднодостижимых черт иудаизма — хронологическое воображение.

Некоторые открытия, сделанные в наше время, кардинально меняют наше мировосприятие. В их свете мы можем вновь задуматься о древних истинах, которые давно кажутся маловразумительными, и они откроются нам кристально четко, словно бы впервые.

Так, безусловно, воздействует на сознание квантовая физика. Она помогает нам заново вникнуть в библейский метод осмысления истины, крайне непохожий на то, как мы в западном мире привыкли размышлять. Далее я буду противопоставлять древнегреческий и еврейский методы. Первый я называю «логическим воображением», а второй — «хронологическим воображением».

Напомню знаменитую фразу Нильса Бора о квантовой механике: «Если она не ввергла вас в замешательство, вы ее попросту еще не поняли». Не вдаваясь в детали этой запутанной науки, отмечу: самое глубокое замешательство вызывает тот факт, что микромир, изучаемый квантовой механикой, не подчиняется привычной для нас логике. Свет — это волна

или частица? Можно ли одновременно определить координаты и импульс элементарной частицы? Жив или мертв кот Шредингера?¹

На все эти вопросы квантовая физика отвечает в духе раввина из известного анекдота. Раввин выслушивает по отдельности мужа и жену, несчастливых в браке. Муж излагает свою версию ссоры, и раввин говорит ему: «Ты прав». Затем раввин выслушивает альтернативную версию жены и говорит ей: «Ты права». Его ученик, присутствовавший при обеих встречах, говорит раввину: «Разве они оба могут быть правы?» А раввин отвечает: «И ты тоже прав».

К некоторым явлениям, будь то поведение элементарных частиц или семейные ссоры, неприменимы привычные правила аристотелевской логики. Главное из этих правил — принцип противоречия: «Если одно утверждение отрицает другое, оба утверждения не могут быть истинными». Два взаимопротиворечащих утверждения не могут быть верны одновременно. Но с этим правилом спорят принцип дополнительности Бора, принцип неопределенности Гейзенберга и другие идеи, идущие вразрез с житейской

квантовой теории гласит: пока не проведено измерение, элементарные частицы существуют только в неопределенном состоянии вероятности. Следовательно, кот окажется живым или мертвым только после вскрытия сейфа. До момента вскрытия утверждения «кот жив» и «кот мертв» будут одинаково истинными. — *Примеч. авт.*

¹ Мысленный эксперимент, предложенный в 1935 году австрийским физиком Эрвином Шредингером, чтобы драматично высветить парадоксальность квантовой физики. Вообразите кота, запятого в герметичном ящике. Судьба кота зависит от предшествующего случайного события, обусловленного поведением элементарных частиц. Копенгагенская интерпретация

логикой. Свет — одновременно волна и частица. Кот Шредингера одновременно жив и мертв. Существуют явления, которые обладают взаимопротиворечащими характеристиками, и только с появлением наблюдателя, то есть человека, противоречие разрешается ретроактивно — посредством действия, которое меняет уже произошедшие события.

Бор рассказывает, как пришел к своей теории. Его маленький сын попался на краже сладостей из соседнего магазина. Нильс испытал смешанные чувства, он буквально разрывался, не зная, как среагировать. Сначала он поймал себя на том, что рассматривает ситуацию с точки зрения судьи. Сын виновен в преступлении и должен быть наказан, как велит справедливый суд. Но Нильс также испытал чувства, нормальные для родителя, — любовь и сострадание к сыну. И тут он сообразил, что не может одновременно рассуждать как судья и как родитель. Так он стал разрабатывать принцип дополнительности. В качестве справедливого судьи он обязан осмыслить ситуацию беспристрастно. Но в качестве отца не может не сочувствовать ребенку: ведь мальчик совершил ошибку. Первый подход велит наказать по суду, второй — помиловать, но эти две точки зрения несовместимы и соответствуют двум разным типам взаимоотношений.

То же самое можно сказать о широкоизвестной картинке, на которой изображен то ли утенок, то ли кролик. Это зрительная иллюзия: можно разглядеть либо утенка, либо кролика, но не обоих одновременно. Возможно, многомерность действительности настолько сложна, что мы не можем одновременно увидеть все измерения. Но в ряде случаев противоречивые мысли, которые нельзя признать истинными одновременно, мы можем признать верными поочередно: сначала одну, затем другую. Именно это я подразумеваю под хронологическим воображением.

Наши представления о логике восходят к древним грекам. Для греков познание было особой разновидностью зрения. Эта метафора

визуального восприятия доныне сохранилась в западноевропейских языках. Мы говорим о «предвидении» и «прозрениях», о «прозорливых» людях, «делимся наблюдениями». Уразумев что-то, говорим: «Ага, ясно» — то есть «ясно вижу». Для Платона познание — это прозрение глубин мира, недоступных нашим органам чувств, когда видишь не физические воплощения вещей, а их истинную форму. Ключевая метафора греческой эпистемологии, глубоко укорененная в античной культуре, — образ Зевса, верховного бога, который наблюдает за жизнью людей свысока, восседая на вершине Олимпа.

В Торе картина мира совершенно иная. Подлинное знание доступно не столько зрению (Б-г незрим, а случаев, когда зрительные впечатления лишь сбивают с толку, в Еврейской Библии предостаточно²), сколько слуху. Ключевое слово — «шма», у которого много значений: *слушать, слышать, понимать, откликаться*. Познание (даат) — не отстраненное наблюдение, а тесное личное взаимодействие: «Адам познал свою жену <...> она забеременела». В Торе Б-г не наблюдает за жизнью человечества отстраненно, а принимает в ней деятельное участие. В иудаизме слова — не просто изображения реальности, «форм» вещей. Слова влияют на взаимоотношения. Словом можно ранить или вдохновить. Словом можно благословить или проклясть. Словом можно взять на себя новое этическое обязательство: например, когда даешь обещание. Слова формируют реальность, которую описывают. Это ближе к принципу неопределенности Гейзенберга (идея, что наблюдатель влияет на наблюдаемую им реальность), чем к вдохновленным Древней Грецией теориям познания, в которых утверждение может быть либо истинным, либо ложным, но не истинным и ложным сразу.

Психотерапевт Виктор Франкл указывал: то, что противоречиво в двумерном пространстве, необязательно останется противоречивым, если добавить третье измерение. Так, квадрат не

² Задумайтесь об эпизоде, когда братья увидели Иосефа, но не узнали его. А также о разведчиках, направленных Моше в поход: они увидели страну, но

неверно истолковали свои впечатления. — *Примеч. авт.*

может быть кругом, а круг — квадратом. Но и круг, и квадрат могут быть тенями одного и того же предмета — цилиндрической банки. Если осветить ее сбоку — тень квадратная, а если сверху — тень круглая. Добавьте еще одно измерение, и противоречие исчезнет. Причем это не просто математический курьез. Нильс Бор, светило квантовой физики, сформулировал этот принцип так: «Противоположность банальной истины — это ложь, но противоположность глубокой истины вполне может оказаться другой глубокой истиной».

Для иудаизма этот подход имеет основополагающее значение. Он означает, что на вселенную можно смотреть не с одной точки зрения, а с разных, и все они верны. Точек зрения как минимум две — Б-жья и человеческая, причем они кардинально отличаются. Единственный случай во всем Танахе, когда человеку предлагают взглянуть на мир с точки зрения Б-га, — последние четыре главы книги Иова, когда Иов наконец понимает, что вселенная не антропоцентрична. Далеко не все в мире существует для того, чтобы служить человечеству. В центре вселенной находится Б-г, а не мы, люди.

Не менее существенен и другой нюанс: хотя у Торы один Автор, она говорит разными голосами. В Торе различимы, самое малое, три голоса: голос мудрости, голос священников и голос пророков. Каждому из трех голосов соответствует один из трех способов, которыми Б-г открывается людям: творение, откровение и искупление. Каждый голос доносит до нас часть реальности, но по отдельности ни один из них не отображает полную картину. Именно поэтому Тора — замысловатое взаимодействие разных жанров и интонаций. Например, книга Бемидбар выстроена как fuga, переплетение закона и повествования. Во всей литературе не найдется другой такой книги. На протяжении всей книги Бемидбар мы наблюдаем взаимодействие двух типов мировосприятия — пророческого и священнического, и нам открывается, как закон (то, как «все должно быть») вырастает из истории (того, как «все было/есть») и, в свою очередь, влияет на историю.

Как же отобразить трехмерность реальности со всеми ее противоречивыми точками зрения

и многогранными истинами? Один из способов, примененных Торой, я называю «диалогическое воображение». Одну и ту же ситуацию нам одновременно показывают с двух абсолютно противоположных точек зрения. Яркие примеры есть в Берешит, 21 и Берешит, 27.

В Берешит, 21 мы вначале видим Сару и ее радость: женщина наконец-то взяла на руки своего долгожданного сына. А затем видим бедствия Агари и Ишмаэля: они изгнаны из дома и оказались на волосок от смерти под безжалостным небом пустыни. В Берешит, 27 мы сначала видим, как Ривка устраивает, чтобы отцовское благословение досталось ее любимцу Якову, а затем видим шок и смятение Ицхака и Эсава, осознавших, что произошло.

Эти рассказы отвергают любую попытку упростить истину, впасть в морализаторство, изобразить реальность черно-белой. Они вынуждают нас смотреть на мир с нескольких разных точек зрения. А примирить эти точки зрения можно лишь одним способом — поговорить по-хорошему.

Так рождается идея истины как диалога. В книге Берешит во многих случаях, когда разговор не ладится, все идет к насильственным действиям — к попытке принудительно навязать другому свою версию истины.

Другой способ отобразить трехмерность реальности — хронологическое воображение. В некоторых случаях два утверждения, противоречащие друг другу, могут быть верны (противоположность глубокой истины может оказаться другой глубокой истиной), но в разное время. Классический пример — толкование рабби Йосефом Соловейчиком в статье «Одиноким верующий человек» двух рассказов о творении мира: Берешит, 1 и Берешит, 2-3. В первом рассказе человек создан по образу Б-га и получает власть над всеми остальными формами жизни. Во втором рассказе человек создан из праха земли и получает приказ «возделывать и оберегать» райский сад. В первом рассказе мужчина и женщина были созданы одновременно, бок о бок. Во втором рассказе женщина была создана позднее, чтобы скрасить одиночество

мужчины, и мужчина и женщина сходятся лицом к лицу.

В толковании рабби Соловейчика первый рассказ повествует о «человеке величия», а второй — о «человеке завета». Мы совмещаем в себе оба человеческих типа. Поэтому, объяснял рабби Соловейчик, быть человеком — значит испытывать внутренний конфликт, метаться между разными гранями своего бытия.

Однако на самом деле Тора снимает это противоречие простым и изящным способом — вводя разные типы времени.

«Шесть дней работай и делай все свои дела, а седьмой день — суббота Г-споду, твоему Б-гу».

Шесть дней мы люди величия, а в седьмой день — люди завета.

Хронологическое воображение (способность Бора смотреть на сына глазами судьи и глазами родителя, но не одновременно) было одним из великих даров Торат коаним³. Священник охраняет границу между священным и секулярным, вечностью и брэнностью, физическим и духовным, бесконечным и конечным. Он знает, что это два разных уровня реальности, и обостренно осознает, сколь опасно размывать границы между ними. На одном уровне реальности существует только Б-г. На другом — только люди, их хитроумные затеи и желания. Только благодаря тому, что небеса отделены от земли, возможны существование вселенной и жизнь людей. Но без соединения небес с землей человеческая жизнь лишена смысла.

Священник разрешает противоречие между священным и секулярным путем того, что считает оба уровня реальности истинными и верными, но сознает, что мы можем воспринимать их только в разное время. Промежутки времени и отрезки пространства, где мы сосредоточиваемся на своей человеческой, брэнной природе, являются «холь» (секулярными, мирскими). А промежутки времени и отрезки пространства, где мы сосредоточиваемся на Б-ге, бесконечном Вечном, мы называем «кодеш». Они интегрированы в нашу жизнь в качестве четкого

ритма времени: шесть единиц (дней, месяцев, лет) — «холь», секулярные, а затем наступает седьмая, святая единица; периодически, по истечении сорока девяти (семь раз по семь) единиц, добавляется пятидесятая (день, год).

Библейские тексты, где звучит священнический голос, бросаются в глаза своей математической точностью. Итак, по наблюдению Умберто Кассуто⁴, рассказ о Творении разделен не только на семь дней. В нем также семь раз употреблено слово «хорошо», тридцать пять раз — слово «Б-г» и двадцать один раз — слово «земля». В первом стихе семь слов, во втором — четырнадцать, а в описании седьмого дня — тридцать пять. Во всем отрывке четыреста шестьдесят девять (7х67) слов.

Аналогично Ваикра, 23, 25 и 26 выстроены вокруг повторяющихся слов «семь» и «суббота». Математическая точность незаменима для священнического понимания действительности. А также, как мы узнали из современных открытий, и для Вселенной, ибо Вселенная с невообразимой точностью откалибрована для возникновения разумной жизни. Будь слегка иной хоть одна из математических констант, предопределяющих облик Вселенной, химические элементы, необходимые для существования жизни, просто не смогли бы образоваться⁵.

Но точность, присущая священнику, отличается от точности ученого. Разделение промежутков времени в священническом календаре — способ жить в разное время сообразно то одной, то другой, противоположной истине. Иудаизм приемлет как универсальные, общечеловеческие истины, так и партикулярные, частные. Общечеловеческие вытекают из нашей принадлежности к роду человеческому (в религии они имеют силу на основании завета с сынами Ноаха), а партикулярные — из отношений нашего народа с Б-гом (они воплощены в завете на горе Синай). Еврейский календарь признает важность обоих аспектов. Есть цикл трех паломнических праздников:

³ Закон священников, священнический кодекс (*ивр.*) — *Примеч. перев.*

⁴ Umberto Cassuto. Commentary on Genesis. Vol 1. Jerusalem: Magnes Press 1961. P. 12-15. — *Примеч. авт.*

⁵ Классический пример — работа Мартина Риса «Всего шесть чисел»: Martin Rees. Just Six Numbers. London: Weidenfeld & Nicolson, 1999. — *Примеч. авт.*

Песаха, Шавуот и Суккот. Они отражают события еврейской истории: Исход, Дарование Торы и годы странствий по пустыне. Есть также цикл праздников в седьмой месяц: Рош а-Шана, Йом Кипур и тот же Суккот. Они символизируют универсальные аспекты человеческого удела: Сотворение мира, верховную власть Б-га, справедливость, суд, жизнь, смерть, дождь и обновление природы.

В недельной главе «Беар» четко виден один из прекраснейших плодов хронологического воображения — его способность примирять действительность с идеалом. История знает множество идеальных миров. Мы называем их словом «утопия», дословно «место, которого нет», поскольку ни одна утопия так и не воплотилась в жизнь.

Торат коаним придерживается иного, не имеющего аналогов подхода к идеальным мирам. Мы поселяемся в них периодически, здесь и сейчас, в реальном времени. В шабат мы проводим генеральную репетицию мессианской эпохи, когда ни один человек не будет иметь над другим ни политической, ни экономической власти. Что-то похожее можно

сказать и о двух великих установлениях, описанных в нашей недельной главе. Это шмита (седьмой год) и юбилейный (пятидесятый) год. Списывая долги, отпуская рабов на волю, оставляя урожай на полях, чтобы все люди на равных могли им воспользоваться, возвращая родовые наделы первоначальным владельцам, мы поселяемся в мире, где устранены несправедливости рыночной экономики, — на год, иногда на два ставим на паузу мир вечной конкуренции и поселяемся в мире сотрудничества и братства равных.

Ни одной похожей системы не существует. Эта система придает истине (не той истине, которую мы обдумываем и открываем, а тем истинам, в соответствии с которыми мы живем, тем, которым мы должны хранить верность) трехмерность, которой лишена истина в мире аристотелевской логики, разделенном на «либо/либо»⁶. В этом сила диалогического и хронологического мышления. А основа этой силы — глубина, которую приобретает реальность, когда мы добавляем к двумерной природе человечества третье измерение — Б-га.

⁶ Надо сказать, сам Аристотель не придерживался «аристотелевской логики» в узком смысле. Он одним из первых философов осознал, что в разных

интеллектуальных дисциплинах критерии истины и внутренняя логика разнятся. — *Примеч. авт.*